Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-617-622

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

РОБОТОТЕХНИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются уголовно-правовые риски, возникающие при использовании робототехнических систем в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС). Основное внимание сосредоточено на сохраняющейся неопределенности правового статуса робототехники, которая может одновременно выступать предметом и средством преступления, а также элементом служебной инфраструктуры, опосредующим реализацию полномочий личного состава. Рассматривается повышенная причиняющая способность автономных роботов, обусловленная сочетанием программных и аппаратных компонентов, и ее влияние на характер преступности и масштаб возможного вреда при деструктивном воздействии. К числу значимых факторов отнесены дистанционное управление, согласованное применение нескольких устройств и возможность их продолжительной автономной работы без непосредственного участия человека. Показано, что действующее законодательство не закрепляет использование робота в качестве квалифицирующего признака, тогда как общая формулировка о «специально изготовленных технических средствах» не охватывает типичные случаи применения серийной робототехники в преступных целях. Особую значимость этот пробел приобретает в учреждениях УИС, где роботизированные устройства постепенно включаются в стандартную служебную инфраструктуру. Обосновывается необходимость дифференцировать уголовную ответственность с учетом вида робототехнической системы, уровня ее автономности, характера служебного применения и фактической роли алгоритмических решений в наступлении общественно опасных последствий. Принцип сохранения существенного человеческого контроля предлагается рассматривать как критерий правомерности использования робототехнических систем в пенитенциарной деятельности и как основание распределения ответственности между оператором, администратором алгоритма и разработчиком, в том числе при опосредованном причинении вреда вследствие ошибок программирования или настройки автономной системы. Сформулированы правовые пределы внедрения робототехники в деятельность ФСИН России, предусматривающие алгоритмическую прозрачность, предсказуемость поведения автономных систем, технологическую проверяемость принятых ими решений и недопущение ситуаций, при которых существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям остается без установления ответственного субъекта.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система Российской Федерации, ФСИН России, робототехническая система, автономная интеллектуальная система, искусственный интеллект, уголовно-правовые риски, повышенная причиняющая способность, алгоритмическая прозрачность, человеческий контроль, дифференциация ответственности, правовые ограничения, средство совершения преступления, цифровизация.*

Для цитирования: *Царькова Е. Г. Робототехнические системы в учреждениях ФСИН России: уголовно-правовые риски и пределы использования // Право и управление. 2026. № 10. С. 617–622.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences,
associate professor, Leading Researcher of the
Federal Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

ROBOTIC SYSTEMS IN INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: CRIMINAL-LEGAL RISKS AND LIMITS OF USE

Annotation. *The article examines the criminal and legal risks arising from the use of robotic systems in institutions of the penal system of the Russian Federation (PS). The main focus is on the ongoing uncertainty regarding the legal status of robotics, which can simultaneously act as both the subject and the means of a crime, as well as an element of the service infrastructure mediating the exercise of personnel's powers. The increased harmful potential of autonomous robots, обусловленная the combination of software and hardware components, and its impact on the nature of crime and the scale of possible harm in the event of destructive impact are considered. Among the significant factors are remote control, the coordinated use of multiple devices, and the possibility of their prolonged autonomous operation without direct human involvement. It has been shown that the current legislation does not stipulate the use of a robot as a qualifying feature, while the general wording about "specially manufactured technical means" does not cover typical cases of using mass-produced robotics for criminal purposes. This gap becomes particularly significant in penal institutions, where robotic devices are gradually being integrated into the standard service infrastructure. The necessity of differentiating criminal liability is substantiated, taking into account the type of robotic system, its level of autonomy, the nature of its operational use, and the actual role of algorithmic decisions in the occurrence of socially dangerous consequences. The principle of maintaining significant human control is proposed to be considered as a criterion for the legitimacy of using robotic systems in penitentiary activities and as a basis for distributing responsibility among the operator, the algorithm administrator, and the developer, including in cases of indirect harm caused by programming errors or system configuration. The legal limits for the introduction of robotics into the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia have been formulated. These limits ensure algorithmic transparency, the predictability of the behavior of autonomous systems, the technological verifiability of the decisions they make, and the prevention of situations in which significant harm is caused to public relations protected by criminal law without establishing a responsible entity.*

Key words: *Penal system of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of Russia, a robotic system, an autonomous intelligent system, artificial intelligence, criminal-legal risks, increased harm capacity, algorithmic transparency, human oversight, differentiation of responsibility, legal restrictions, means of committing a crime, digitalization.*

For citation: *Tsarkova E. G. Robotic systems in institutions of the federal penitentiary service of Russia: criminal-legal risks and limits of use. Law and administration. 2026;(10):617–622. (In Russ.).*

В настоящее время в пенитенциарных учреждениях все активнее внедряются робототехнические системы, использование которых формирует новую конфигурацию уголовно-правовых рисков вследствие сочетания их высокой причиняющей способности с концентрацией уязвимых объектов в пенитенциарной среде [1, с. 114]. Исследование уголовно-правовой охраны отношений, возникающих в сфере робототехники, свидетельствует о том, что робот представляет собой сложный цифровой объект, объединяющий программную и аппаратную составляющие и обладающий автономным потенциалом причинения вреда, возрастающим по мере развития технологий искусственного интеллекта [2, с.64]. Для учреждений УИС данное обстоятельство имеет особое значение, поскольку, например, даже небольшая по массе полезная нагрузка беспилотного летательного аппарата позволяет доставлять запрещенные предметы на режимную территорию, тогда как оснащение такого устройства взрывным механизмом способно превратить локальный инцидент в угрозу массового поражения осужденных и сотрудников исправительного учреждения.

Применительно к деятельности ФСИН России робототехническую систему целесообразно рассматривать как комплекс программной и технической подсистем, предназначенный для выполнения охранных, надзорных, транспортных и досмотровых задач в условиях изоляции осужденных, причем отдельные решения в процессе его работы принимаются автоматически. Специализированный робот является сложным объектом, его программное обеспечение задает функции и пределы действий, а аппаратная часть включает конструктивные элементы, приводы, датчики, радары и другие сенсорные компоненты. В условиях функционирования учреждений УИС подобная двойственная природа приводит к тому, что одна робототехническая система одновременно может рассматриваться как объект уголовно-правовой охраны (имущество, наделенное специальными функциями контроля и воздействия), как средство совершения преступления

(например, при переброске запрещенных предметов через режимное ограждение) и как элемент технической инфраструктуры исполнения наказаний (например, в составе автоматизированной системы интеллектуального видеонаблюдения).

Применение технологий искусственного интеллекта ведет к повышению степени автономности роботов и усложняет вопрос определения субъекта ответственности за возможный причиненный вред. На территории учреждения УИС аналогичная проблема может проявляться в задачах автоматического применения принудительных мер (например, включение звукового или светового воздействия, блокировка дверей, распределение охранных ресурсов), когда автономный алгоритм фактически завершает объективную сторону возможного преступления (например, причинение вреда здоровью через некорректное использование специальных средств), при минимальном участии оператора [3, с.330; 4, с.160; 5, с.153].

Перспективные направления применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России можно сгруппировать по четырем основным функциональным блокам: охрана внешнего периметра, внутренний надзор за поведением осужденных, доставка грузов, а также досмотр и мониторинг. Возможность перемещения роботов по грунту, в воздушной и водной среде, а при необходимости и в подземном пространстве, служит предпосылкой для использования их в деятельности учреждений УИС как в качестве наземных патрульных платформ, так и в виде беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для воздушной разведки и контроля периметра [6, с.242; 7, с.53]. Современная тенденция к росту полезной нагрузки беспилотных систем и повышению их энергообеспечения, увеличивает не только их полезный потенциал для применения в деятельности пенитенциарного ведомства, но и приводит к росту угроз использования робототехники для противоправных действий [8, с.50; 9, с.134].

Системное внедрение робототехники в учреждениях ФСИН России требует разрешения ряда взаимосвязанных правовых вопросов. Прежде всего, в УК РФ не закреплено определений понятий «робототехническая система», «автономная интеллектуальная система» и «искусственный интеллект», что препятствует единообразной квалификации деяний, совершенных с их использованием. Кроме того, положения об обстоятельствах, отягчающих наказание, охватывают лишь применение «специально изготовленных технических средств» и поэтому не позволяют в полной мере учитывать использование серийных робототехнических платформ при внезапно возникшем преступном умысле. Далее, закрепленные в составах преступлений признаки средств совершения деяния (оружия, взрывных устройств или средств вычислительной техники) не отражают особенностей робота как индивидуально определенного объекта, способного одновременно объединять свойства нескольких правовых категорий.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость перехода от общей концепции уголовно-правовой охраны отношений в сфере робототехники к разработке специальных правовых пределов применения робототехнических систем в пенитенциарных учреждениях. В данном контексте к правовым рискам относятся ошибочная квалификация связанных с роботами деяний, возникновение ситуаций, в которых не удается установить субъекта уголовной ответственности, нарушение прав осужденных и сотрудников вследствие непрозрачности алгоритмов, а также несоразмерное распределение ответственности между разработчиками и эксплуатирующими лицами. В деятельности ФСИН России эти риски дополнительно усиливаются особым правовым положением осужденного, режимным характером территории и повышенными требованиями к безопасности и охране здоровья лиц, содержащихся под стражей [10, с.265].

Повышенная причиняющая способность робототехнических систем выступает ключевой объективной предпосылкой установления специальных уголовно-правовых ограничений их применения в УИС. Роботы обладают увеличенным причиняющим потенциалом по сравнению с традиционными материальными объектами благодаря сочетанию мобильности, возможности переносить грузы значительных габаритов и массы, использоваться для доставки взрывчатых веществ и координированных действий группы устройств. Например, скоординированное применение нескольких БПЛА для одновременной доставки оружия в разные участки колонии способно радикально изменить баланс сил при групповых неповиновениях, но в действующей модели уголовно-правовой оценки такой сценарий не находит отражения как качественно иной по уровню общественной опасности.

Сложная природа робота как объекта уголовно-правовой охраны в учреждениях ФСИН России проявляется в том, что посягательство на робототехническую систему выходит за рамки обычного преступления против собственности. Так, например, неправомерное завладение охранным роботом-патрульным затрагивает не только имущественный интерес государства, но и режим исполнения наказания, безопасность осужденных, личного состава и иных лиц, находящихся на территории учреждения. Стандартный подход, при котором робот рассматривается как имущество и включается в предмет хищения либо

повреждения, не отражает повышенную опасность нарушения функционирования роботизированной инфраструктуры исполнения наказаний. Если, например, наземный робот, несущий функции видеонаблюдения и физического блокирования периметра, выводится из строя посредством программного воздействия, нарушается не только право собственности, но и обеспеченность надлежащего режима охраны, что должно находить отражение в конструкции состава преступления.

В качестве отдельного аспекта следует рассмотреть способность роботов согласовывать свои действия, что может быть проиллюстрировано действиями роя БПЛА, когда программа нескольких автономных устройств одновременно блокирует ключевые входы и выходы из режимных корпусов, создавая условия для массовых беспорядков или захвата заложников, хотя ни один из операторов технически не участвует в каждой конкретной операции. Уголовно-правовая оценка подобных действий осложняется тем, что роботы не признаются субъектами преступления, а цепочка передачи управляющих команд может быть распределена между несколькими лицами и организациями.

Отсутствие специального регулирования создает институциональное ограничение, связанное с тем, что в традиционном уголовном праве субъектом преступления является физическое лицо, достигшее установленного возраста, однако на уровне позитивного права роботу не может быть придан статус субъекта ответственности. Поэтому при высокой автономности роботов возникает вопрос о субъекте ответственности, который в нынешней модели решается исключительно через поиск виновного среди разработчиков, операторов или иных участников обращения робота. В контексте деятельности УИС такая конструкция увеличивает риск ситуаций, когда вред значителен, а доказать вину конкретного должностного лица затруднительно из-за сложной архитектуры программного обеспечения и распределенных полномочий по его настройке.

Вывод о повышенной причиняющей способности робота позволяет определить систему уголовно-правовых ограничений использования робототехнических систем в деятельности ФСИН России. Первое из них состоит в обязательном соблюдении принципа существенного человеческого контроля при внедрении автономных интеллектуальных систем. Действия робота, способные причинить вред жизни или здоровью осужденных и сотрудников (применение силы и специальных средств, изменение режима доступа в помещения либо управление средствами инженерной защиты) должны инициироваться человеком или подвергаться незамедлительному последующему контролю с обеспечением документируемой возможности вмешательства.

Следующее ограничение связано с алгоритмической прозрачностью как нормативным требованием к робототехническим системам, внедряемым в УИС. Для пенитенциарной практики это означает, что структура алгоритмов и журналы принятия решений автономными системами должны быть доступны для последующей проверки следственными органами и судами, включая возможность экспертного восстановления логики действий робота при наступлении вредных последствий [11, с.111].

Третье ограничение относится к материализации автономности в дифференциации уголовной ответственности. Человеческое участие при использовании робота для совершения преступления может сводиться к программированию или однократному вводу целевой команды, после чего робот самостоятельно реализует объективную сторону состава преступления. В УИС аналогичная ситуация может возникнуть, когда должностное лицо задаст автономной системе задачу усиления наблюдения или блокировки доступа, а алгоритм, действуя в условиях неопределенности, ошибочно выберет меры, приводящие к тяжким последствиям. Уголовно-правовое регулирование должно отражать этот сдвиг, устанавливая специальные правила оценки вины при опосредованном причинении вреда через автономную интеллектуальную систему, в том числе через формулирование специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за неправомерное программирование или настройку робототехнических систем в учреждениях ФСИН России.

Следующий элемент системы ограничений сводится к разграничению видов робототехники и учету характера ее использования. Необходима дифференциация ответственности за посягательства в отношении различных видов робототехники и за деяния, в объективной стороне которых присутствует признак использования робота, например, с использованием, многоуровневой системы: роботы охранного и надзорного назначения (периметр, видеонаблюдение, патрулирование), роботы логистического и сервисного назначения (доставка, уборка, обслуживание) и роботы специализированного воздействия (например, средства физического сдерживания, дистанционные системы применения спецсредств). Характер рисков и требуемые ограничения должны различаться для каждой группы, что следует отразить как в конструкциях специальных составов, так и в формулировке квалифицирующих признаков.

Целесообразно ввести квалифицирующий признак «с использованием робототехнической системы или автономной интеллектуальной си-

стемы» в составы преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. Речь идет об основаниях для установления повышенной ответственности за деяния, причиняющая способность которых возрастает за счет использования робота. В пенитенциарном контексте такой признак может быть предусмотрен, например, для ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), ст. 313 УК РФ (побег из места лишения свободы или из-под стражи) и ст. 205 УК РФ (террористический акт), если деяние совершено с использованием робототехнической системы или автономной интеллектуальной системы.

Дополнительно на уровне ведомственного законодательства возможно выделение самостоятельного состава, связанного с неправомерным доступом к робототехнической инфраструктуре учреждений УИС и ее использованием в преступных целях. На уровне толкования закона и судебной практики целесообразно закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ специальные правила квалификации деяний, при которых объективная сторона преступления полностью выполнена автономным роботом, а роль человека ограничилась программированием или удаленной постановкой цели. Целесообразно, чтобы соответствующее разъяснение Пленума закрепило бы, что в подобных ситуациях деяния квалифицируются по общим составам преступлений против личности, правосудия или порядка управления с указанием на использование автономной интеллектуальной системы; описывало бы подход к установлению вины лица, которое осуществляло программирование и настройку робота, несмотря на отсутствие его физического присутствия на месте совершения преступления; прямо указывало на недопустимость ссылки на «ошибки алгоритма» как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность при наличии заведомых нарушений при проектировании и внедрении системы в условиях УИС.

Проведенный анализ позволяет заключить, что уголовно-правовые риски и пределы применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России не исчерпываются традиционными вопросами охраны общественных отношений в сфере робототехники. Специфика пенитенциарной системы обусловлена концентрацией уязвимых объектов, особым режимом территорий и обязанностью государства обеспечивать безопасность осужденных, поэтому внедрение автономных устройств требует выстраивания иерархии правовых ограничений, при которой технологические возможности роботов подчиняются предписаниям уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [12, с.37]. Предложенные критерии человеческого контроля, алгоритмической прозрачности и дифференциации ответственности, а также обозначенные направления совершенствования законодательства могут стать основой дальнейшей правотворческой работы, направленной на формирование устойчивого режима безопасного, правомерного и эффективного применения робототехники в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[2] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Зорина Н.С. Влияние семейного неблагополучия на формирование преступного поведения подростков // Закон и право. 2023, № 1. С. 159-161.

[5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[6] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой

среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[2] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, № 4 (65). S. 62-66.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. The influence of family trouble on the formation of criminal behavior of adolescents // Law and law. 2023, № 1. S. 159-161.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime // Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in data processing in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

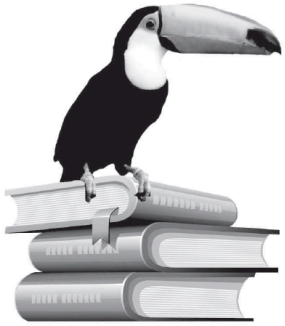
[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects // Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects // Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia // Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru